

Николай Григорьевич Смирнов

Государство Солнца

Часть первая

Большереецкий побег

1. Наша жизнь на Камчатке

— Лёнька, — сказал мне отец, — выйди-ка на двор. Если кого увидишь, стукни пяткой в порог два раза.

Я знал, что это значит: отец решил посмотреть порох, который хранился у него под кроватью в окованном железом сундучке. Поэтому, не задавая лишних вопросов, я вышел во двор и стал перед дверью.

Этот сундук с двумя пудами пороха был нашим единственным достоянием. Отец считал, что порох вернее денег, сахару, табаку. Он выменивал его где только возможно и на что возможно. И вот лет за десять накопил два пуда. От всех он скрывал своё богатство.

Один раз только, когда рыба не подошла к нашим берегам и начался голод, он отсыпал порядочный мешочек и променял его на оленью самку — нямы. Самку эту мы ели две недели, а потом подошла рыба. И ещё помню, как однажды

отец собрался умирать от горячки, позвал меня и сказал едва слышно:

— Береги, Лёнька, порох — тебе его на всю жизнь хватит. Поклянись, что не будешь менять на водку, как вырастешь. И палить не будешь зря...

Обливаясь слезами, я дал клятву. Отец тогда не умер, но я запомнил мою клятву на всю жизнь: всегда относился к пороху бережливо, хоть и получил ружьё в руки с двенадцати лет. Правда, ещё задолго до этого я ходил с отцом на охоту, присматривался к его повадкам. Но с двенадцати лет я получил ружьё в собственность, охотился один и стрелял наверняка, особенно если удавалось положить дуло на что-нибудь. А палить зря мне и в голову не приходило.

Но всё-таки я не понимал бережливости отца. Мы хранили богатство в сундучке под кроватью, а сами жили скверно, не лучше камчадалов. Одевались, как и они, в оленьи меха, питались главным образом рыбой. Хлеба и сахару не видали по нескольку месяцев. Правда, могли бы и лучше жить, даже не тратя пороху. Но по закону каждый ссыльный должен был приносить в канцелярию начальника Камчатки пятьдесят шкурок соболей и горноста в год. А это составляло добрую половину нашей добычи. Да к тому же канцелярские чиновники и солдаты обирали нас.

Жаловаться было некому, драка с солдатами

каралась смертью, и приходилось поэтому помалкивать.

Жили мы в поселении ссыльных, недалеко от Большерецка, на Камчатке. Здесь я и родился в 1756 году. Отец мой был из государственных крестьян, и звали его Степан Иванович Полозьев. В молодости он бы приписан к уральскому железному заводу Сиверса. В пятьдесят третьем году его послали рабочие как грамотного в Питер жаловаться самой царице Елизавете на хозяев. Но до Питера он не добрался: по дороге его схватили вместе с товарищем, наказали плетьюми и сослали на вечную ссылку в Сибирь. Из Нерчинска, где ему пришлось жить, он попытался убежать. Но его поймали, вырвали ноздри особыми щипчиками и заporоли бы до смерти, да пожалели: был он хороший кузнец, а в Сибири такие люди нужны. Только с вырванными ноздрями Нерчинский начальник не захотел его держать у себя, и его погнали по Сибири дальше. Жил он и в Охотске, но и там не прижился. В конце концов оказался на Камчатке, в Большерецке. Дальше посылать было некуда — за Камчаткой началось море. Отец и остался жить в Большерецке, где скоро женился на камчадалке.

Матери своей я не помню совсем. Она умерла, когда мне было два года. Отец вынянчил меня один на звериных шкурах, выучил говорить по-русски, а

когда я подрос, даже грамоте научил. Меня он очень любил и в детстве много со мной возился. Я его тоже любил, привык к его страшному лицу и считал его даже красивее других людей. С виду он был похож на айноса: ходил в старой меховой кухлянке с собачьим воротником и отрастил бороду до живота. Мысль о бегстве теперь ему уже и в голову не приходила. Стал он бережливым хозяином и всё больше молчал. Кузнечеством занимался мало, промыслял охотой. Бил медведей, волков, а главное, мелкого зверя. Этим мы и жили, потому что отец, как осуждённый на вечную ссылку, никакого пособия от казны не получал.

По закону я был свободным человеком, но детей ссыльных тогда из Сибири не выпускали. И как наследник двух пудов пороха и двух ружей я, конечно, превратился бы в заправского охотника, тем более что я любил Камчатку с её морозами и туманами и не имел нигде больше на земле ни родственников, ни друзей. Но вышло наоборот. Камчатским охотником я не стал, а обзавёлся знакомствами чуть ли не на всей земле. Но об этом дальше.

Наш посёлок ссыльных находился в версте от Большерецка. Городок этот был в ту пору небольшой: сорок домов, деревянная церковь, казённый кабак да крепость-острог. В крепости жил комендант Камчатки капитан Нилов да полсотни

солдат. А в городе жили купцы, казаки, охотники. Стены у крепости были деревянные, а по углам стояли пушки. Вот и весь город. А наш посёлок был и того меньше: десяток домов вместе с сараями. Жили ссыльные без всякой охраны, потому что начальство считало, что никуда из Камчатки убежать нельзя, да и мы сами так думали.

Все ссыльные, кроме отца, были из дворян и на Камчатку попали за заговоры против цариц. Им из России присылали иногда деньги и разные вещи. Но наравне с нами они занимались охотой и рыбной ловлей. За деньги не всегда можно было купить здесь продовольствие.

В то время, к которому относится мой рассказ, в нашем посёлке, кроме нас, жило четверо ссыльных. Трое из офицеров, а один лекарь, немец Магнус Медер. Медер мне казался важным господином. Ходил он в круглых очках и всюду носил при себе часы. Осенью он бродил по болотам, собирал травы для лекарств. Недалеко от нас жил другой ссыльный — офицер Хрущёв. Дом у него был большой, и, должно быть, был Хрущёв богатым человеком. Летом он иногда одевался, как настоящий дворянин, и ходил по посёлку в белых чулках и шёлковом кафтане. Был ещё ссыльный — старый офицер Турчанинов. Его я в детстве боялся, потому что говорить он не умел, а только выкрикивал отдельные звуки да махал руками.

Потом я узнал, что у него отрезана половина языка за то, что в Петербурге он изругал императрицу. На краю посёлка жил офицер Леонтьев, нелюдимый, бледный. Вечно он кутался в одеяло и редко показывался на улице.

Отец с офицерами не знался. Он считал, что и ноздри у него вырваны по офицерской милости. Всегда он обходил их дома кругом и никогда им не кланялся. За это офицеры нас просто не замечали. Да мы в этом и не очень нуждались.

У нас была маленькая изба, низкая, как гроб, построенная отцом ещё до моего рождения. Была лодка-байдарка на два человека, лёгкая, как листок, сделанная из ивовых прутьев и тюленьих кож. Ещё была собака Нест, порох и ружья. А больше ничего у нас не было.

Впрочем, была ещё одна вещь: книга, купленная отцом в Большерецке у какого-то канцеляриста. По книге этой я учился грамоте и знал её наизусть. Называлась она «Юности Честное Зерцало» и содержала в себе букварь и правила любезного поведения. Правила эти мне на Камчатке негодились, как, впрочем, и сама грамота. Ведь других книг у нас не было, и я даже не представлял себе, что из книг можно многое узнать. Если я что-нибудь и знал в то время, то только из рассказов.

Кое-что рассказывал мне мой приятель Ванька

Устюжинов. Он был сыном большеерецкого попа и со слов отца просвещал меня по части Священного Писания и истории. Но Ванька сам знал мало, а что знал, то давно рассказал. Поэтому мы обыкновенно угощали друг друга рассказами собственной выдумки. Мечтали переплыть моря и погулять по чужим краям. Но что делается в этих чужих краях, мы оба не знали, как не знал и поп, Ванькин отец.

Зато о моей родине, Камчатке, я знал гораздо больше. К отцу иногда заходили камчадалы, особенно один — Паранчин, родственник моей матери. Он дружил с отцом, давал ему оленей и помогал продавать меха. Был Паранчин христианином и хорошо говорил по-русски. Являлся он к нам всегда неожиданно и очень любил сообщать и узнавать новости. От него я прежде всего научился камчадальскому языку и узнал множество слов других камчатских языков. Знал, что олень называется по-якутски «орон», а по-коряцки — «элли вух».

Паранчин, со слов стариков, рассказывал мне, как русские покорили Камчатку и как начали истреблять камчадалов ни за что, ни про что. Как потом камчадалы вместе с курилами решили отомстить русским и за это жестоко пострадали. Паранчин мне рассказывал ещё о собаках, на которых ездят зимой, о китах, а птице гаге и о мышах тегульчич. Он меня научил, как можно под

землёй находить запасы этой мыши — кедровые орешки и коренья сараны. Осенью мы ходили за этими орехами и иногда приносили по пуду. Но тот же Паранчин растолковал мне, что если унести все мышинные запасы, то тегульчич с горя повесится на раздвоенном сучке. Надо непременно оставить ей в обмен на орехи икры или ещё какой-нибудь снеди, чтобы не случилось этого несчастья. Паранчин мне рассказывал о камчатских вулканах, из которых в старину брали огонь.

Позже, когда я подрос, я стал понимать, что в словах камчадала было много и выдумки. Так, Паранчин утверждал, что зимой по горам разъезжает карлик Пихляч в санках, запряжённых белыми куропатками. Если наступишь на его след, заблудишься, замёрзнешь, непременно пропадёшь. Если же ударишь по следу ивовым прутиком, то Пихляч сейчас же явится и притащит черно-бурую лисицу. Однако ничего похожего никогда не случилось, хотя я брал с собой на охоту прутик и бил им по следам куропаток не один раз. Постепенно я перестал доверять Паранчину, и он из учителя превратился в приятеля. Я всегда был рад поболтать с ним, потому что отец мой был неразговорчив.

И вот теперь, когда я стоял на страже у наших дверей, я увидел вдали оленью упряжку и самого Паранчина в санях. Длинной палкой он колотил

олений по рогам, и видно было по всему, что он спешит к нам. Я стукнул в порог пяткой два раза и стал его дожидаться.

Но Паранчин на меня и не посмотрел. Бросил олений и прямо прошёл в избу.

Я понял, что он привёз какие-то важные новости, тем более что ехал он от моря. И я вошёл в избу следом за ним.

От Паранчина сильно пахло оленями и жиром. Он снял шапку, низко поклонился отцу, который только что успел упрятать под кровать порох. Потом закричал немного нараспев:

— Живо, Степан Иванович, собирайся, на лодке ехать надо. Корабль пришёл из Охотска ночью. Стал на Чекавке. Надо ехать добро менять.

Корабли в Большерецк приходили редко — раза три в год. А зимой совсем не приходили. Поэтому сообщение Паранчина было для нас приятной новостью: на корабле можно было обменять шкурки.

Отец закричал:

— Лёнька, забирай пяток соболей и лисицу!

Я не заставил себя упрашивать, натянул новые торбасы — меховые сапоги — прямо на голые ноги, накинул кухлянку, увязал шкурки в тюленью кишку, чтобы не промокли. Вышли из избы вместе, все трое.

Скоро мы уже возились на берегу реки

Большой у нашей байдарки. Спустили её на воду, отец взялся за весло. Паранчин остался на берегу, так как в лодке было всего два места.

И вот мы поплыли по реке к её устью, которое называлось Чекавкой.

2. Новые люди

Всю осень этого, 1770-го, года шли проливные дожди и стояли оттепели. Поэтому Большая до конца ноября не замёрзла, хотя в прежние годы всегда покрывалась льдом к началу ноября. Ближе к Чекавке река не замёрзала совсем. Там заходили с моря приливы и не давали льду устанавливаться. Когда мы выехали, был отлив, и вода бурно бежала к морю. Волны подхватили лодку, и я оглянуться не успел, как вдали показалась беспокойная ширина устья и качающийся корабль. Это был «Пётр», казённый галиот, приписанный к Охотску.

Когда мы подошли к кораблю ближе, отец сказал:

— Здорово его потрепало, горемыку...

Действительно, на корабле не было задней мачты, и с бортов свешивались длинные ледяные сосульки. «Пётр» имел жалкий вид, хотя пузатые борта его довольно высоко поднимались над водой.

Мы подошли к кораблю вплотную и стали

выискивать, где бы можно подняться. С борта свисал узловатый канат. Я уцепился за него и стал карабкаться на корабль. Отец остался в лодке: ему, как ссыльному, запрещалось входить на морские суда.

На палубе ничего нельзя было разобрать. Мачта была сломана, и обледенелые снасти перепутались. Трудно было пройти, чтобы не упасть. У борта матрос в полушубке рубил лёд топором.

Он заметил меня и закричал:

— Ты откуда взялся?

— Из Большерецка.

Посмотрел на меня пристально:

— Ты что, курил?

— Я не курю, — ответил я серьёзно.

Матрос захохотал:

— Тебе чего здесь надо?

— А что у вас есть? У меня соболя... Порох есть?

Соболя у нас ходили как деньги, и я знал, что на кораблях за них дают хорошую цену. На этот раз мне не повезло.

— Какого тебе пороху? — закричал матрос. — Не видишь разве, что у нас делается? Почти весь груз пропал, без хлеба зиму будете сидеть. И корабль-то едва уцелел...

И он тут же положил топор и принялся мне

рассказывать о тех приключениях, которые выпали на его долю за последнюю неделю. Прежде всего я узнал, что он — охотский казак и фамилия его Андреянов. Плавать он начал недавно и в морском деле понимал, должно быть, немного больше моего.

— Погрузили, значит, братец ты мой, — начал он после этого предисловия, — в Охотске соль, муку для большевецкого острога да пятерых ссыльных нам дали в придачу, чтобы сюда завезти. Вышли в море, поднялся ветер с норда. Начал он нас трепать. Сильная волна хлещет через корабль. Палуба и обмёрзла. Ядра по кораблю, как горох, катаются. Капитан вышел пьяный, только рот раскрыл — бах! — с ног свалился и руку сломал. Стал подниматься, опять упал, сломал ногу. Унесли мы его в каюту, а буря ещё сильнее. Не знаем, что делать. Штурманы, будь им неладно, спорят, а команды не дают. Я, конечно, думал, что гибель наша пришла, родителей поминать стал. Вдруг — трах! — задняя мачта упала. Что ты будешь делать? Выходит тут из каюты ссыльный один, поляк, из тех пятерых. «Сто пятьдесят ведьм! — говорит. — Вы что же, погубить нас хотите?» Мы говорим: «К тому дело клонится». Сошёл он к капитану в каюту, поговорил с ним вполголоса, выходит на палубу с рупором. Вышел на палубу да как закричит: «Тысяча ведьм! Убирай паруса! Руль на зюйд — и больше никаких!..» Видим мы, что в морском деле

он понимает и ругается не хуже капитана. Подобрали паруса, как он приказал. Два дня мотались. А на третий день и земля показались.

— Камчатка? — спросил я.

— Какой там! Сахалин. Отнесло нас в другую сторону. Но все живы остались.

— А как поляка звать?

— Август Беспокойный. Хотел он, значит, у Сахалина отстояться, да капитан не разрешил. «Держите, — говорит, — на норд». Август положение определил, поправили мы груз и потащились через море черепашьим шагом. Так и дошли.

Рассказ матроса мне понравился. Я уже предвкушал, как расскажу его Ваньке Устюжинову. Особенно меня заинтересовала личность таинственного поляка. Я огляделся по сторонам и тихо спросил:

— А где же поляк-то этот? Убежал, что ли?

— Нет, не убежал. На берег их всех спустили, в сторожку. К коменданту повезут, как лодка придёт из крепости. Даст ему Нилов рублей сто за геройство...

— Офицер он?

— Сказывают, генерал...

О генералах я тогда ещё ничего не слышал. Не знал даже твёрдо, что это значит. Хотелось, конечно, расспросить матроса, да времени не было.

Чтобы закрепить приятельские отношения с Андреяновым, я вынул пригоршню кедровых орехов из кармана:

— Держи.

Андреянов взял орехи.

— Сказывают, что в бою его забрали в плен, — продолжал он свой рассказ. — На одну ногу припадает — должно, ранен...

Но мне уже некогда было слушать дальше. Я спросил деловым тоном:

— А сахарку у вас не найдётся?

— На мену нет. Тебе один кусок дам. — Пошарил в карманах и вытащил обгрызенный кусок сахара.

— Больше нет, подмок.

Я поблагодарил и начал прощаться.

— Заезжай ещё, как посвободнее будет, — сказал мне Андреянов на прощанье. — Будем трюм разбирать, может, и порох найдётся...

— Ладно, приеду. Спасибо на приглашение...

Я спустился в лодку по тому же канату. Отец отругал меня за то, что я долго оставался на корабле и вернулся с пустыми руками.

— Нечего сказать, с толком сплавали! — буркнул он и принялся грести.

К нашему счастью, прилив начал подниматься, течение изменилось. Мы быстро поплыли назад.

Тут я увидел, что от берега отвалила крепостная шлюпка на шести вёслах. В ней сидели казаки и, должно быть, новые ссыльные. Я попросил отца подойти к ним поближе. Отец налёг на весло, и мы стали их догонять.

В это время со стороны Большерецка показалась байдарка с ссыльными офицерами. На носу стоял высокий офицер Хрущёв, в белой кухлянке с длинным мехом по подолу, в какой камчадалы хоронят покойников. Он что-то кричал. Мы подошли ещё ближе и могли видеть всё, что происходит.

Хрущёв высоко поднял руку и закричал новым ссыльным:

— Привет! Какие новости в Европе?

— У кого спрашиваешь? — ответил ему конвойный казак. — Не видишь разве? Ссыльные... Откуда им знать...

— Ссыльные... Ура!.. — закричал Хрущёв.

— Ура! — подхватили офицеры.

Тогда один из новых вскочил на скамейку в шлюпке и крикнул:

— Две тысячи ведьм!.. В чём дело? Мы сюда приехали не для того, чтобы над нами издевались первые встречные...

У этого человека было обветренное худое лицо, поросшее светлой бородой. Но голос его звучал крепко. Никаких сомнений не могло быть в

том, что это и есть Август Беспокойный. Как раз ведьмами угощал он матросов среди бури.

— Не обижайтесь на нашу радость, — сказал Хрущёв, когда байдарка и шлюпка встретились. — Мы ваши товарищи по несчастью. Отсидите здесь с моё, поймёте наше «ура»...

— В таком случае, приветствую вас! — сказал поляк и поднял руку. Хрущёв продолжал:

— За что вы попали в наши места, и кто вы такой?

— В прошлом — польский генерал, — отвечал поляк весело. — Когда нужно — капитан дальнего плавания. А в настоящий момент — раб русской императрицы. Но в обиду себя нигде не даю...

Байдарка и шлюпка сошлись вместе. Хрущёв пожал поляку руку и заговорил с ним быстро на каком-то незнакомом языке. Поляк ответил.

Я ровно ничего не мог понять из их разговора. Понял только, что они говорили не по-камчадальски и даже не по-китайски.

Их лодки шли медленно. Мы им срезали нос и оставили их далеко позади.

У самого нашего селения на берегу торчала фигура Паранчина. Он начал радостно махать руками. Помог вытащить байдарку и справился о порохе. Отец ничего не ответил, предоставляя мне рассказать камчадалу о нашей поездке. Я это и

сделал немедленно же, угостив Паранчина в придачу половиной сахарного куска.

Отец ушёл домой, а мы с Паранчиным остались на берегу. Он непременно хотел посмотреть новых ссыльных, а я должен был показать ему, который из них поляк. Скоро офицерская байдарка и шлюпка вышли из-за поворота.

Офицерская байдарка причалила к берегу недалеко от нас. А шлюпка с вновь прибывшими пошла дальше, к Большерецку. Начинались сумерки, и шлюпка пропала в сероатой мгле. Паранчин едва разглядел Августа Бесполойного.

Так впервые я увидел человека, который сыграл в моей жизни большую роль. С этого дня всё переменялось в нашем Большерецке. Новости начали возникать так стремительно, как будто за их изготовление принялся сам Паранчин. Тихая жизнь наша была потрясена до самого основания.

Начать с того, что на другой же день в полдень к нам в избу вломился, как безумный, Ванька Устюжинов. Он сел на лавку, отдышался, потом вскочил и заорал:

— В Большерецке открывается школа!..

Дальше он, захлёбываясь, сообщил, что в школе будут учить не только грамоте, но и геометрии и географии. Устраивает школу пленный поляк, которого зовут не Август Бесполойный, а

Август Беспойск. И что Нилов приказал начать занятия не позже как через неделю.

Из этого сообщения я прежде всего понял, что поляк мог быть при нужде не только капитаном дальнего плавания, но и учителем и что, таким образом, приезд его в наши края касается и меня.

3. Новые дела

Мы вышли с Ванькой на двор, и тут он мне более подробно рассказал всё, что узнал о новом приезде и его планах.

Беспойск был польским помещиком и имел двойное имя — Морис-Август. Ему было двадцать пять лет, когда родные отобрали у него имение, и он решил сделаться моряком. В немецком городе Гамбурге он изучал мореплавание и уже собирался плыть в Индию, когда поляки у него на родине составили заговор — конфедерацию, чтобы прогнать своего короля. Беспойск решил примкнуть к заговору, приехал в Варшаву, дал присягу на верность конфедератам и получил командование над кавалерийским отрядом. Русская императрица вступилась за польского короля, и Беспойск несколько раз дрался с русскими. В конце концов он был ранен в сражении и попал в плен. В кандалах его отправили в Киев, а оттуда в Казань, в ссылку. Однако он недолго пробыл в Казани.

Вместе с пленным шведом Винбландом он бежал оттуда, переодевшись в форму русского офицера. Добрался до Петербурга, чтобы уплыть за границу на корабле. Но капитан корабля, голландец, донёс об их планах тайной полиции. Ночью, когда Беспойск и Винбланд усаживались в шлюпку на Неве, их арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Потом в наказание за побег тайный суд приговорил их к вечной ссылке на Камчатку. Поэтому оба они к нам и приехали.

Всё это Ванька рассказал мне со слов своего отца, который часто бывал у Нилова. Ванька добавил, что Нилов принял Беспойска очень любезно, благодарил за спасение корабля, оставил обедать и за обедом велел рассказать всю свою жизнь. Когда Нилов узнал, что Беспойск знает языки и географию, он просил заниматься этими предметами с его сыном Васькой. Беспойск согласился, но тут же попросил разрешение открыть школу для всех желающих. Нилов вызвал купцов, и один из них — богач и самодур Казаринов — обещал пожертвовать лес на школу. Остальные пообещали поддержать гвоздями. Так что теперь, значит, всё дело за постройкой избы для школы.

— Так-то так, — сказал я, подумав. — Школа — это великое дело. Но позволит ли мне Нилов в ней учиться?

— А почему не позволит? — спросил Ванька.

— Потому не позволит, что я сын ссыльного.

— Что ж такого, что сын. Сам ты свободный человек. А потом, раз ссыльный будет учителем, почему тебе не учиться?

— Это верно, — поспешил я согласиться. — Но вот ещё в чём дело: сколько он будет брать за ученье? Если деньгами, ничего не выйдет. Вот если шкурками, тогда я ему настроляю. Да и теперь у меня есть две лисы-огнёвки.

— Конечно, от шкурок поляк не откажется. Ему шуба нужна, — уверенно заявил Ванька. — А за меня отец обещал платить...

Разговаривая о школе, мы медленно шли по дороге в Большерецк, а потом повернули назад. Ванькин отец запретил ему знаться со мной, и мы встречались тайком.

Тут мы услышали, что позади нас едет собачий поезд. Слышно было, как кричали на собак и разговаривали. Мы остановились, чтобы посмотреть, кто едет. Скоро собаки поравнялись с нами. Впереди на нарте ехал Беспойск, уже без бороды, и в руках у него была большая пила. Вместе с ним сидел седой старик. На второй нарте ехали тоже двое. Один плохо говорил по-русски — должно быть, это был Винбланд. А другой кричал и бил по собакам. Кто это был такой, я не знал.

Собачий поезд остановился у избы Хрущёва,

и ссыльные слезли с нарт. Сам Хрущёв вышел к ним навстречу и пригласил войти. Мы постояли недалеко, посмотрели, а потом я пошёл провожать Ваньку. Дорогой ещё встретился нам ещё один из новых. Он спросил нас, где изба Хрущёва. Мы ему показали, и он пошёл, покачиваясь, и песню запел:

Батюшка богат,
черевички купил...

Мы догадались, что он пьян.

Отец долго не было дома в тот день. Он ходил на охоту и вернулся к ночи. Принёс только одного горноста, бросил его вонючую шкурку в угол и ничего не стал говорить. Я понял, что он обозлён своей неудачей, и не стал лезть к нему с разговорами.

Укладываясь на свою медвежью шкуру, которая служила мне постелью, я почему-то старался убедить себя, что никакой школы не будет в Большерецке. После ухода Ваньки я решил, что всё равно учиться мне не придётся. Я уже готов был заснуть, как в раму сильно постучали. Солдат за окном закричал:

— Полозьев, завтра в шесть выходи на работу в крепость. Топор с собой возьми и лопату.

Отец ответил:

— Ладно.

И принялся ворчать, что, мол, скоро Новый год, меха требуют в канцелярию, а на охоту ходить не дают. А я понял, что вызывают его на постройку школы. Значит, школа всё-таки будет? Неужели не попаду?

С такими печальными мыслями я заснул.

На другое утро отец рано ушёл в крепость. Велел мне принести обед, если днём домой не вернётся. Так и случилось — он не пришёл. Я собрал рыбы, сухарей и пошёл в Большерецк.

На месте постройки народу было человек двадцать. Даже казаки работали и офицеры — расчищали снег. Солдаты подтаскивали стволы лиственниц для сруба. В Большерецке тогда было всего три лошади, и их очень берегли. Поэтому и брёвна таскали люди. Нилов, очевидно, очень торопился с постройкой. Сержант из крепости наблюдал за работами и сильно ругался, когда кто-нибудь останавливался передохнуть.

Отец взял у меня еду и велел идти домой. Он не любил, когда в избе нашей никого не было.

Вечером отец вернулся с работы очень усталый. Серdito бросил топор в угол, сел на лавку, сказал:

— Да, брат, построят школу, да не для нас. Пять с полтиной будут брать в месяц за учение...

И принялся ужинать.

Я, конечно, не смел и заикнуться о моём

желании ходить в школу. Пять с полтиной — ведь это было девять соболей!

Ночь эта была бурная. Ветер с Ледовитого океана гнал снег и за окном подвывал, как собака. Мне всё время казалось, что к избе кто-то подъезжает. Я никак не мог заснуть и ворочался. Отец сидел около плошки с жиром и чинил торбасы. Огромная тень сапога колыхалась на стене и на потолке. Отец затыгивал зубами жилу, когда в дверь тихо постучали.

— Стучат. Неужели Паранчин в такую пору? — сказал отец неразборчиво. — Открой, Лёнь.

Я завернулся в своего медведя, прошёл к двери и отодвинул засов. Два человека в шубах стояли за порогом. Они быстро вошли и отряхнули с себя снег. Удивление меня взяло: это были офицер Хрущёв и Август Беспойск.

— Мы к вам, Степан Иванович, — сказал Хрущёв отцу, как старинный приятель. — Хоть и мало знакомы, а соседи всё-таки. А это наш новый товарищ по несчастью — Август Самойлович Бенёв.

Отец смущённо встал и не знал, что говорить. Тогда Беспойск протянул ему руку и сказал бодро:

— Можете вы идти с нами? По очень важному делу.

Отец отрицательно покачал головой:

— У меня починка, сапоги развалились. И завтра рано вставать на работу.

— Будто?

И Беспойск на ухо прошептал ему что-то. Отец долго смотрел на него, потом усмехнулся и начал надевать кухлянку.

— Запрись, Лёнька, — сказал он мне тихо, — и никого не пускай. Я скоро вернусь.

И они ушли все трое, больше не сказав ни слова. Отец даже топора с собой не захватил. Поэтому я догадался, что важное дело затевается где-то недалеко.

4. Школа

Я ждал отца чуть ли не до утра. Несколько раз подливал жиру в плошку, всё думал, вот-вот стукнет он в дверь. Но только ветер гулял на дворе да сыпал сухим снегом в оконную раму. Я начал даже беспокоиться. Хотел идти к избе Хрущёва, как вдруг отец пришёл, снял кухлянку и начал выколачивать её об пол.

Я не решался спросить его, за каким важным делом звали его офицеры, хотя чувствовал, что ходил он не зря. Вид у него был растерянный, но весёлый. Я сидел на своей шкуре и ждал от него рассказа. Он, конечно, прекрасно это понимал. Посмотрел на меня пристально, ухмыльнулся и

сказал:

— Ты чего, Лёнька, не спишь до утра? Закрывай жмурики. Поляк тебя в школу берёт бесплатно Учиться. Может, чему и выучишься у него за зиму.

Я взбесился от радости. Стал на голову, как медвежонок-полугодка, и начал болтать ногами. Отец быстро лёг. Закричал мне:

— Спи!

И затушил плошку.

После этого разговаривать у нас не полагалось. Но я заснул нескоро, когда уже в наше оконце полез рассвет.

Утром, когда я проснулся, отца не было дома. Я позвал Неста, мою верную собаку, запер дом на замок, и отправился по сугробам в Большерецк. Там прошёлся раза три около поповского дома. А Нест забежал к Ваньке на двор и тьякнул там два раза. Ванька знал, что это я его вызываю, и скоро вышел.

Мы прошли за кладбище, далеко, и только тут я начал рассказывать.

Прежде всего я сообщил, что буду учиться в школе бесплатно. Ванька хотел уже обрадоваться за меня, но я его осадил:

— Стой, Ванька. Есть дела поважнее.

Ванька насторожился.

— Поляк и Хрущёв были у отца вчера ночью. Ведь не затем же они приходили, чтобы сказать, что

меня в школу берут. С собой его увели.

— Конечно, не затем, — сказал Ванька серьёзно и задумчиво. — Уж не прибило ли к Чекавке ночью кита?.. Может быть, они свежевать его ходили потихоньку от Нилова?..

— Чёрта с два... Ветер-то вчера был с норда. А потом от отца и не пахло китом, когда он вернулся.

— Может, в картишки играли?

— Да нет... Отец и издалека карт не видал никогда.

Тогда Ванька вдруг выпучил глаза и сказал шёпотом:

— Не собираются ли они удрать из Большерецка?

— А ведь верно...

Верно!.. У меня даже в голове помутилось. Не задумал ли поляк, раз он мастер на все руки, уйти с Камчатки? Может, и отца решил прихватить собой...

Но тут я вспомнил, что за попытку бегства порют и бросают в подвал. А потом я знал от отца, как трудно убежать.

Сибирь бесконечна, в лесах легко заблудиться, а на дорогах стоят заставы. Целый год нужен для того, чтобы добраться до Урала.

— Куда убежишь отсюда, Ванька? Как убежишь? — сказал я тоскливо.

— Поляк придумает, нас не спросит, — ответил Ванька решительно.

— Для чего же он тогда школу затевает?

На это Ванька не знал, что ответить. Так мы ничего и не решили тогда. Сговорились только всё замечать, что делается, и сообщать друг другу. Дело хранить в тайне. На том и разошлись.

Однако, несмотря на наше решение всё замечать, мы ничего не заметили за всю неделю. Отец ходил на постройку с раннего утра, а я рубил дрова, топил печку и отгребал снег от порога. Офицеры больше к нам не приходили, и отец, должно быть, к ним не ходил. Возвращался он с работы поздно и всякий раз говорил, что Нилов с работой очень торопит, — должно быть, думает на школе поживиться. Велел построить школу к субботе, хоть при кострах работать придётся.

Ванька тоже не сообщал ничего особенного. Говорил, что Беспойск часто бывает у Нилова и уже начал учить Ваську наукам. Играет в шахматы с казачьим старшиной Черных и с купцом Казариновым. У Казаринова выиграл даже тысячу рублей и на эти деньги хочет дом себе готовый купить, чтобы самому не строить. Нилов, по словам Ваньки, Беспойска очень полюбил и просит принять православную веру, для чего даже вызывал попа, и они вместе пили водку.

Все эти сведения убедили нас окончательно,

что никакого побега поляк устраивать не собирается. Мы даже посмеялись над нашим предположением. Беспойск — военнопленный. Как только кончится война с Польшей, он, наверное, получит свободу. Чего ради будет он составлять заговор и рисковать своей шкурой?

В субботу открылась школа. В новой избе была только одна комната, правда, довольно большая. В окнах была вставлена слюда. Нилов её из крепостного склада отпустил. Посередине комнаты стоял длинный стол и лавки. Больше ничего в школе не было, даже печку не успели сложить.

— Вот что, братцы, — сказал он негромко, шлёпая губами. — Благодарите бога, государыню императрицу и меня за милость: не было в Большерецке школы, а теперь есть. О пользе наук вам скажут учителя, я сам не горазд в этом. Учитесь грамоте прилежно. Если от учения пойдут у вас пьянства и дебоши, я тогда вас прикажу отодрать, а школу в тот же час закрою. Так и знайте.

Хотел ещё что-то сказать, но икнул, махнул рукой, и пошёл к выходу. За ним купцы и все остальные. В школе остались только ученики да Беспойск.

Беспойск велел нам сесть вокруг стола и пересчитал всех до одного. Записал на бумагу по фамилиям кому сколько лет. Всего оказалось

двенадцать учеников. Парни всё были великовозрастные, двум торговцам было по тридцати лет. Им хотелось изучить арифметику, чтобы записывать товары и барыши.

Составивши список учеников, Беспойск разъяснил, как будут идти занятия в школе. По русской грамоте будет заниматься Хрущёв, по арифметике и геометрии Панов, новый ссыльный офицер, который собак бил палкой. Сам Беспойск обещался нас учить по географии. Велел каждому завести тетрадку и по паре гусиных перьев. Потом взял из угла скалку, на ней была навёрнута карта всего мира, которую он сам нарисовал. Развернул карту, прикрепил её к стене и начал показывать скалкой, где океаны, а где земли.

О том, что земля наша шар, я раньше ещё слышал от Ваньки. Но, по правде сказать, не очень этому доверял. Меня Паранчин сбивал. Он говорил, что земля больше похожа на тарелку. Беспойск с первых же слов сказал, что земля на тарелку не похожа и на китах не стоит. А потом начал рассказывать о холодных странах и о тёплых. О том, как Колумб открыл Америку и что это за люди индейцы. Говорил и об Африке и об островах, где живут негры и где люди от жары ходят голыми. Говорил ещё и многое другое.

Это уже не было похоже на рассказы Паранчина. Беспойск всё показывал скалкой и

отвечал на все вопросы. Никогда я не представлял себе, что в школе так интересно учиться. Я слушал, старался запомнить каждое слово и каждое название, но новые слова входили, а старые уходили. Когда урок кончился, у меня остался только какой-то приятный туман в голове.

Мы шли с Ванькой из школы, оба занятые своими мыслями. Ванька сказал:

— Хорошо бы побывать на тёплых островах, Лёнька. Вот где раздолье!

Я ответил:

— Куда уж там! Хорошо бы не позабыть того, что поляк рассказывал. Надо непременно всё это записать, Ванька. Надо достать тетрадку.

— Что ж, — сказал Ванька. — Зайдём в канцелярию. Попросим у канцеляриста бумаги. Может, он и даст. Тогда сошьём тетрадку жилой.

Мы пришли в канцелярию, которая помещалась в особом доме, против крепости. Я никогда там не бывал. Прямо против двери на стене висела большая картина. На картине была написана красками розовая женщина в белом платье, с золотой палочкой в руке. Я догадался, что это царица Екатерина. Вокруг картины была золотая рамка, а за картиной копошились тараканы. Под царицей Екатериной стоял стол, а за ним сидел начальник канцелярии Судейкин, старик с длинным носом, в халате из беличьих шкур. Кругом него на

столе лежали бумаги, но сам он ими не занимался, а играл в шахматы с казачьим сотником.

С тех пор как приехал Беспойск, все в Большерецке играли в шахматы.

Мы с Ванькой сняли шапки и подошли к столу. Но Судейкин на нас и не посмотрел, продолжал сопеть над доской да передвигать коней.

К нашему счастью, он скоро выиграл партию. Засмеялся и стал набивать себе нос табаком. Заметил нас, насупился, спросил:

— Вам чего надо?

Ванька поклонился низко и сказал, что мы поступили в школу и нам нужна бумага. Старик чихнул два раза в нашу сторону и спросил:

— А казённой разве вам не дадут?

— Нет.

— Значит, в капитанский карман империял попал, — подмигнул он сотнику. — Есть закон на школу средства отпускать из ясачных денег.

Потом он повернулся к нам, поднял руку и, показав на царицу, сказал торжественно:

— Вот кого земно благодарите за ваше просвещение: царицу-матушку. И к нам, в наш постылый край, дошла её забота. Так вам бумаги?

— Так точно.

— Много?

— Чтоб две тетрадки сшить.

— Что ж, соболька принесёте, отпущу бумаги.

Принесите соболька.

— Да где его взять? — сказал Ванька жалостливо.

— А по горам-то сколько их бегают... Вот, значит, принесите к понеделнику шкурку, отпущу вам бумаги. А теперь ступайте, мне некогда.

И он начал расставлять на доске фигуры. Мы вышли за дверь в полном отчаянии. Больше бумаги просить было не у кого.

— Что ж? — сказал я. — Пойдём завтра за соболем, Ванька. Я попрошу у отца сетку и пойдём. Может быть, и удастся подстрелить соболька.

— Пойдём, — ответил Ванька. — Не на бересте же нам писать!

Я поспешил домой, чтобы рассказать отцу о первом уроке. Рассказал ему всё, что запомнил, и кончил тем, что завтра иду с Ванькой на соболя.

Отец не стал возражать. Обещал дать соболиную сетку, которую сплёл летом из крапивы, и сказал, что разбудит меня под утро, если погода для охоты будет подходящая.

5. Охота на соболя

Мы вышли с Ванькой часа в три утра. Первый раз я шёл на соболя без отца. Эта охота оказалась и последней охотой на соболя в моей жизни.

Для того чтобы найти соболиный след —

переносу, — нам надо было прежде всего добраться до горных хребтов, которые лежали на юг от Большерецка. Вблизи жилья соболь не держится. Мы взяли с собой провизии на целый день и шли на лыжах.

Когда начало светать, мы увидели много следов на снегу. Но все они по большей части были лисьи. Только у самых гор мы напали на соболиную переносу.

Мы пустили Неста по следу и пошли за ним. Однако собака опередила нас настолько, что мы потеряли её из виду. Нам пришлось долго идти, путаясь лыжами в низком кедровом кустарнике, который не был вполне занесён снегом. Потом мы вышли на снежную равнину.

Тем временем солнце поднялось, день выдался безоблачный. Как это иногда бывает в открытых местах, мы вдруг увидели на горизонте огромного Неста, который бежал куда-то в сторону. Это был мираж от блестящего снега, и я знал эти шутки. Мы продолжали идти по следу, пока вдаль наконец не показался небольшой лесок. Оттуда доносился лай настоящего Неста. По этому лаю мы поняли, что он загнал соболя на дерево.

Мы начали тихо подходить, и я уже слышал, как соболь фыркает на собаку. Эти звуки наполнили радостью моё сердце. Я считал, что шкурка уже лежит у меня в мешке, и радовался, что

тетрадки так легко нам достались.

Я снял рукавичку, положил палец на холодный камень и, стараясь не дышать, осторожно передвигал лыжи. Снег у леса был очень глубокий, и идти было трудно. Но ничего этого я не замечал. Как настоящий охотник, я слился с ружьём и позабыл обо всех трудностях.

Мы подошли уже близко. Скоро можно было стрелять. Нест перестал лаять и стоял, глядя вверх. Я приложился, но сейчас же опустил ружьё. Проклятый соболь, не подпустив меня на выстрел, прыгнул с самой верхушки дерева и исчез в снегу, не оставив никакого следа, кроме небольшой ямки.

Я знал, что под снегом соболь может пройти полверсты и что теперь взять его трудно, так как Нест за ним под снег не полезет. Но я не считал дело проигранным. Собака всё-таки могла оказать нам большую помощь. Мы начали ходить вокруг леска и, правда, очень нескоро, всё же нашли дырку в снегу, откуда соболь выскочил. От дырки по снегу тянулся тонкий следок.

— Придётся идти до норы, — сказал Ванька со вздохом.

Он знал, что теперь охота затянется надолго, и сейчас же упал духом.

Может быть, умнее было махнуть на соболя рукой и вернуться домой, но я так увлёкся охотой, что и мысли не допускал о таком позорном исходе.

Я позабыл, как рано смеркается в эти дни и как далеко мы отошли от дома. Мы ещё ничего не ели с утра и ни разу не присаживались. Однако, постояв недолго у соболиного следа, без всяких лишних разговоров мы двинулись за Нестом, который тоже без раздумья продолжал начатое дело.

Соболиная нора оказалась вёрстах в четырёх от леска. Но мы и этому были рады, так как теперь знали, что соболь от нас уже не уйдёт. Надо было только умеючи выгнать его из норки.

Из рассказов отца я знал, что охотники сидят иногда по два дня у норы, ожидая выхода зверька. Я рассчитывал, что мы сумеем покончить с этим делом гораздо скорее. Я прогнал Неста, который принялся было разрывать нору. Приказал ему молчать. Нест улёгся на снегу, следя за каждым нашим движением.

Мы живо расставили сетку из крапивы у самого устья норы, прикрепив её к кольшкам. Осмотрели кругом внимательно весь снег и, убедившись в том, что никакого другого отверстия из норы не было, принялись плясать над тем местом, где, по нашему убеждению, сидел соболь. Мы решили попытаться спугнуть его и этим ускорить конец.

Но соболь, должно быть, был не из пугливых. Мы продолжали плясать до тех пор, пока не устали. Передвигая озябшими ногами, мы даже успели

немного закусить, но соболю всё не показывался. Отчаяние овладело нами. Мы сели на снег и долго молчали. Нам оставалось теперь тихо сидеть и дожидаться добровольного выхода соболя. Он мог выйти ближе к ночи, но мог остаться в норке и до раннего утра. Мы должны были сидеть как можно тише и даже не разговаривать.

Совсем стемнело, когда я услышал слабый звон бубенчика на сетке, и Нест вдруг встрепенулся. Соболю выскочил и запутался в сетке. Я сейчас же выстрелил, чтобы не затягивать дела. Убил соболя наповал и даже сетку разорвал в двух местах.

Ванька быстро снял шкурку с соболя, а мясо бросил собаке. В это время уже было совсем темно. Надо было возвращаться домой как можно скорее. Только покончив с соболю, мы почувствовали, как устали за день.

У нас не было с собой мешков для спанья — на долгую охоту мы не рассчитывали. До Большерецка было не менее двадцати вёрст. К тому же начал идти снежок, небольшой, но совершенно достаточный для того, чтобы засыпать наши следы и утяжелить дорогу. Правда, с нами был Нест, и он привёл бы нас к дому, но Нест никогда не ходил прямо. Пришлось всё-таки двинуться следом за ним, скрывая друг от друга опасение, что нам не удастся в эту ночь добраться до дома.

К ночи мороз сделался злее, и ветер начал дуть со стороны океана. Он проникал в самые маленькие щели под меховую одежду и резал тело, как ножом. Чтобы подбодрить Ваньку, я пытался завести разговор о тёплых краях. Но он только рукой мне махнул. Когда замерзаешь в открытом поле, трудно представлять себе солнечные страны, где одежда совсем не нужна.

Ванька шёл, тяжело дыша, всё время оглядываясь по сторонам. Я отлично понимал, в чём дело. Он боялся нарваться на стаю волков, которые особенно злы в декабре. Хотя мы оба были с ружьями и собака у нас была, встреча с волками не предвещала ничего хорошего. Этого зверя больше всего боялись в наших краях. Паранчин никогда не советовал даже стрелять в волков, чтобы их не сердить. Главный волк — вожак — назывался у коряков оюр-тайоно, что значит лесной господин. Он красноватого цвета, ростом с оленя, и следом за ним идёт целая стая. Спасения от него нет: он чует за несколько вёрст. Даже смертельно раненный, он перегрызает человеку горло и съедает лицо. Он один может загрызть целую упряжку собак. Все эти рассказы припомнились мне в ту ночь, когда мы шли в Большерецк с одной соболиной шкурой в мешке.

Сейчас я уже не помню, сколько часов проплутали мы тогда. Помню только, что мы

выбились из сил и решили заночевать в поле. Начали уже ломать кедровый кустарник для костра, как вдруг Нест завыл. На этот вой откуда-то издали ответили ездовые собаки.

Мы бросили хворост, подбодрились и двинулись путь. По собачьему вою мы догадались, что где-то тут должно быть жильё бродячего коряка. Скоро мы почувствовали запах дыма. Но прежде чем подойти юрте, мы прошли мимо ездовых собак, которые стояли, сбившись в кучу. Их было с полсотни. Рядом с собаками находилось несколько нарт. На одной из нарт я нащупал убитого медведя. Я понял, что в юрте должны быть проезжие охотники.

Мы подошли к юрте, у которой тихо бродили сонные олени. Юрта дымила, и вблизи видно было, как огонь освещает снизу дым в розоватый цвет. Из-за полога юрты доносилась русская речь.

Без всякой робости я поднял полог и вошёл внутрь. Сейчас же в глаза и нос бросились дым от очага, кислый запах оленьих шкур и юколы. Посередине юрты горел костёр, и над ним висел котёл с водой. Семейство коряка сидело на полу. Несколько русских охотников, среди которых я узнал свободных Сибаева и Кузнецова, стояли у огня, опёршись на ружья.

Ближе всех к огню, освещённый с головы до ног, Август Беспойск с воодушевлением говорил о

чём-то.

6. Первые вести о Государстве Солнца

Эта ночь запомнилась мне на всю жизнь. Как и на уроке в школе, у меня не было с собой тетрадки. Была только соболья шкурка, ещё не превратившаяся в бумагу. Но я уже не боялся, что забуду что-нибудь, и действительно не забыл. Вот что говорил Беспойск в ту ночь.

За Китаем и Японией, недалеко от Индии, есть большой круглый остров под названием Тапробана. Остров этот населён обыкновенными людьми, но живут они особым образом: среди них нет ни бедных, ни богатых. Все равны на Тапробане, и пищу там готовят в кухнях прямо на всех, и все едят вместе до отвала на золотой посуде. За обедом играет весёлая музыка, а после обеда устраиваются игры и пение. Люди живут там дружно, в огромном городе, где улицы длинные и чисты, а дома сложены из белого камня. Никогда никаких ссор не бывает на Тапробане, и даже ругательных слов нет в этой стране. Труд там лёгок и скорее похож на игру. Оно и понятно: за всех людей на Тапробане работает солнце.

Солнце заставляет деревья приносить огромные сладкие плоды, мягкие и сочные, как ласты у сивучей. Земля даёт неисчислимый урожай.

Вино льётся прямо из пальм. Даже орехи там не такие мелкие, как у нас, а величиной с голову ребёнка. Солнце не только кормит жителей Тапробаны, но и обогревает их круглый год, так что ни дров, ни меховых шуб там не было. Люди умирают нескоро в этом государстве, так как счастливая жизнь благоприятствует здоровью. Государство, в котором жить так хорошо, называется Государством Солнца, а город — Городом Солнца.

Каждый, кому плохо живётся на земле, может явиться в Государство Солнца. Там принимают всех радостно и дают приют, пищу, одежду. Ехать туда надо океаном. Курс — зюнд, путь от Камчатки — пятьдесят дней.

Может быть, нигде на всём земном шаре не было места, более не подходящего для таких рассказов, как здесь, в прокопчённой и вонючей юрте бродячего коряка на Камчатке. Но, может быть, нигде не слушали бы Беспойска так внимательно, как здесь. Охотники стояли, боясь пошевелиться. Коряки совсем превратились в кукол, вырезанных из моржовых клыков. Я не знаю, понимали ли они то, что говорил поляк. Думаю, что, если даже не понимали, воодушевление его передавалось им. Они смотрели на него, как на пришельца из далёкого счастливого государства, который явился сюда, на Камчатку, чтобы

пригласить в солнечные края народ из голодной, занесённой снегами страны.

Беспойск говорил до тех пор, пока вода в котле не закипела. Как только он увидел пар над котлом, он замолчал, сделал знак рукой, и охотник Сibaев заварил чай. Нас заметили. Я хорошо знал охотника Кузнецова, и он знал меня, так как бывал у отца. Кузнецов подошёл ко мне, и я рассказал ему наши приключения. Он засмеялся и подвёл нас к Беспойску. Поляк ласково протянул нам руку, когда узнал, что мы его ученики и здесь на морозе в тундре зарабатывали себе тетрадку.

Он спросил меня:

— А ты хотел бы оказаться в Городе Солнца?

Я ответил не задумываясь:

— Да. И я поеду туда через четыре года. Ведь я свободный и могу жить, где хочу.

— В таком случае напоите его чаем! — сказал Беспойск и громко засмеялся. — А потом надо будет взять ребят с собой в сани.

Нас напоили чаем и накормили. Охотник Сibaев сказал мне, что я поеду с ним, а Ванька на убитом медведе. Ссылный офицер Панов, который был с ними, предложил оставить медведя корякам, чтоб они добром нас вспоминали. Но коряки отказались от медведя. Сibaев разъяснил, смеясь, что они не берут зверя из суеверного страха. По обычаям коряков, убитому медведю нужно тут же

защитить глаза, чтобы дух его не пришёл мстить охотнику.

Тем временем собак запрягли в нарты, Сibaев закричал:

— Тах-тах!..

И мы понеслись.

Я всегда любил ездить на собаках, особенно когда они хорошо покормлены. На этот раз перед нашим отъездом им дали по большому куску нерпичьего жира, и они, к моему великому удовольствию, помчались бодро. Вдобавок с нами увязался какой-то щенок. Он забежал вперёд и начал вертеться около первой. Потом вдруг пустился со всех ног вперёд. Собаки, не желая отставать, бросились за ним. Никогда в жизни я не ездил так быстро. Сibaев покрикивал на собак и время от времени бросал слова мне. Из этих слов я понял, что они отправились на охоту рано утром. Им удалось отыскать только одну берлогу. Зверь оказался большой, с жёлтым ошейником, очень свирепый. Долго не поднимался, наконец вылез и пошёл прямо на Беспойска. Ружьё поляка дало осечку, и медведь помял бы его, если бы не Панов, который выстрелил зверю в ухо. Выстрел оказался удачным. Я медведь был убит наповал. Шкура не попорчена. Сibaев окончил свой рассказ непонятно:

— Скоро, может быть, с этими медведями

совсем расстаться придётся...

Я не успел спросить, что это значит. Мы въехали в селение, и Сibaев высадил меня возле нашей избы.

Отец, конечно, нисколько не беспокоился обо мне. Он только выругался, что я не взял с собой постельного мешка и испортил сетку. Я так устал за день и исхолодался, что не стал подробно рассказывать о нашей охоте. Показал только шкурку и сейчас же лёг спать.

Ночью мне всё казалось, что кто-то ходит по нашей избе. Я даже слышал, как отец с кем-то разговаривал. Но усталость моя была так велика, что я накрылся шкурой с головой.

Только ближе к утру я услышал, как отец сказал:

— На Тапробане порох не нужен...

Я насторожился. Откуда отец знает о Тапробане. Сейчас же открыл глаза. То, что я увидел, необычайно меня поразило.

На полу, прямо против моей постели, сидел на корточках лекарь Магнус Медер и что-то старательно размеривал. Огонь плошки прыгал в стёклах его очков, и казалось, что глаза у него огненные. Спиной ко мне сидел отец и, очевидно, занимался тем же, чем и Медер.

Сначала я никак не мог понять, что они делают. Но потом я разобрал, что рядом с ними

стоит наш сундук с порохом. Сундук был открыт, и отец время от времени зачерпывал порох тарелкой.

Теперь уже нетрудно было догадаться, чем они занимались: они делали ружейные заряды, сотни зарядов, размеривали порох и заворачивали его в кусочки рыбьих пузырей.

При чём тут Медер, важный человек в очках? Когда отец успел с ним познакомиться? Как согласился он пожертвовать своим богатством?

Эти вопросы возникли у меня сразу. Но я не смел встать, не смел спросить. Мне казалось, что отец убьёт меня, если я подниму голову.

И я пролежал молча, без сна, до тех пор, пока Медер не ушёл.

7. Я узнаю всё

Утром комната имела обычный вид. Сундук стоял под кроватью, и нигде не было заметно следов ночной работы. Можно было подумать, что приход Магнуса Медера и всё остальное я видел во сне.

Я решил поговорить с отцом начистоту. Дольше я терпеть не мог. Но как начать?

Отец принёс со двора котелок, набитый снегом, и, поставив его на огонь, начал подметать в избе. А я всё лежал на своей шкуре и всё думал: как начать?

Вода закипела. Отец заварил чай и закричал мне добродушно:

— Вставай, Лёнька, а то чай проспийшь. Соболя-то, выходит, нынче не дешёвы. Ишь, как уходился!

Я поднялся во весь рост на моей постели и сказал дрожащим голосом:

— Зачем вы развешивали порох сегодня ночью? Я видел всё.

Отец даже головы не повернул, как будто я обращался к стенке. Я ждал ответа, не двигаясь. Отец подкинул дров в очаг, подул на огонь, повернулся ко мне. Он улыбался.

— Зачем мы развешивали порох? — повторил он мой вопрос очень спокойно. — Дело простое: мы все решили уехать отсюда, как начнётся весна.

— Куда уехать?

— На тёплый остров около Индии.

— В Государство Солнца?

Я сел на шкуру и некоторое время молчал. Потом поднялся опять.

— А я поеду?

— Да, конечно.

— А как же Нилов? Солдаты? Казаки?

— Чудак-человек... Для чего же десять лет я копил порох?

Дальше он рассказал всё по порядку. Уже больше недели составлен секретный совет, который

руководит подготовкой побега. В совет вошли Хрущёв и Магнус Медер, а из вновь прибывших — Беспойск, Панов и старик с седой бородой по фамилии Батурин. Самым главным в совете назначен Беспойск. Заговорщики поклялись хранить строжайшую тайну. За измену положена смерть. Отец рассказал мне всё это тихим голосом, радостно улыбаясь. Должно быть, он уже забыл свой неудачный побег из Нерчинска и теперь верил в удачу.

— Только вот что, Лёнька, — сказал он очень строго в конце. — Ни одна собака не должна знать об этом. Главное, Ваньке ни слова. А то он отцу проболтается, и тогда — конец. Если скажешь ему о заговоре, убью.

И он погрозил мне кулаком. Я понял, что он приведёт свою угрозу в исполнение, если я проболтаюсь. Но что мне было делать? Ванька вместе со мной уже догадывался о замышляемом побеге.

Оставалось одно: пойти к нему и убедить его, что никакого заговора нет. Наврять ему с три короба, запутать и больше никогда ничего не говорить. И вот в тот же день после урока арифметики, который давал нам Панов, я подошёл к Ваньке как ни в чём не бывало. Со мной была соболья шкурка, и мы вместе пошли в канцелярию.

Судейкин принял нас на этот раз радушнее.

Он погладил шкурку рукой вперёд и назад и даже приложил её к щеке. Потом дал нам шесть листов чистой бумаги. Мы поблагодарили его и вышли на улицу. Я решил сам не начинать разговора о заговоре и предложил Ваньке немедленно заняться изготовлением тетрадок.

Но Ванька в этот день нисколько не был занят бумагой. Когда мы отошли довольно далеко от канцелярии, он меня спросил таинственно:

— А ты ничего не заметил вчера?

— Когда?

— В юрте и потом, около собак.

— Ничего не заметил. А что?

— Сдаётся мне, что Беспойск не зря говорил о Тапробане. Не собираются ли они уехать туда? Когда мы возились у собак и Сибаяев жаловался на мороз, Кузнецов сказал ему: «Потерпи, будем жить на Тапробане, там тепло, как в бане»...

Я понял, что решительный момент наступил. Надо было немедленно начинать враньё. Поэтому не моргнув глазом я сказал:

— Должно быть, тебе это померещилось, Ванька. Никакого побега они и не замышляют. Я вчера говорил с отцом. Он сначала посмеялся надо мной, а потом обещал поколотить меня, если я буду говорить такие глупости.

Но Ваньку трудно было провести. Слова Кузнецова засели ему в голову. Он продолжал

твердить одно:

— Говорю тебе, Лёнька, они собираются на Тапробану. Твой отец просто не хочет, чтобы мы узнали...

Я понял, что дальше притворяться глупо. Если бы я продолжал мои рассказы, Ванька сейчас же смекнул бы, что я хочу его провести, перестал бы доверять мне и, может быть, за неимением собеседников разболтал бы отцу или матери наши предположения. И вот я решил во всём признаться.

— Ванька, — сказал я тихо. — Поклянись, что никому не скажешь ни слова — ни отцу, ни матери... И даже на исповеди промолчишь...

— Клянусь!.. — сказал Ванька торжественно и даже поднял руку.

— Знай, Ванька, что отец мой убить меня обещал, если я тебе скажу хоть слово. А я всё-таки скажу. Все они в Государство Солнца удирать собираются, как только бури пройдут. И я с ними еду, Ванька. Только, Ванька, никому ни слова, а то всё дело пропадёт...

Ванька немного подумал, а потом плаксиво заговорил:

— Ты уедешь, Лёнька... А как же я? Лёнька, устрой меня к ним в компанию. Век тебе буду служить. Не могу я жить на Камчатке, если ты уедешь на Тапробану...

— Да что ты, Ванька! У тебя отец, мать...

— Верно, да! Но не житьё мне с ними. Сделает меня отец дьячком обязательно, а я плавать по морю хочу. Попроси Степана Ивановича: пусть примут нас в заговор. Пригожусь я вам.

— Не могу я этого сделать, Ванька. И так я для тебя приказание отцовское нарушил. Убьёт он меня, если я о тебе заговорю. Не требуй от меня невозможного. Поживи уж ты здесь.

— Ах, ты вот как! — сказал Ванька чужим голосом. — Сам в Государство Солнца уезжаешь, будешь там обедать под музыку на золотой посуде, а меня уговариваешь здесь пожить... Юколы я не ел, что ли...

У Ваньки, видно, слёзы подошли к горлу. Мне самому было жаль его. Я хотел его взять за руку, но он отвернулся.

— Вань! — позвал я.

Но он не отозвался. Потом вдруг повернулся ко мне и сказал резко:

— Ты меня ещё вспомнишь, Лёнька! Подожди, придёт и мой черёд!..

И бросился бежать. Я хотел его догнать, но что я мог сделать, что мог сказать ему? Постояв немного на дороге, я пошёл домой.

Я шёл по снегу один, держа в руках бумагу на тетрадку. Я думал о том, что в Государстве Солнца не бывает ссор, а я вот поссорился со своим закадычным другом из-за Государства Солнца. Мне

было очень грустно вначале, а потом сделалось страшно: а вдруг Ванька начнёт вредить нам!.. Но я успокоил себя мыслью, что этого быть не может. Одним своим словом он мог погубить нас всех. А разве на это способен хороший парень?

8. План побега и наши затруднения

Можно считать, что с этого дня я сделался участником заговора. Отец ничего уже не скрывал от меня, посылал меня к офицерам с поручениями, и они на словах передавали мне важные сведения. Я знал, какие правила надо соблюдать, чтобы сохранить тайну, к кому нужно обращаться в крайних случаях. И даже план побега я узнал во всех подробностях.

План этот поначалу показался мне очень лёгким. Заговорщики решили весной захватить корабль «Пётр», который остался зимовать на Чекавке. Хотя капитан корабля уехал в Охотск на собаках, Беспойск брался и без капитана привести корабль к Тапробане. Захватить корабль было нетрудно, так как стоял он далеко от крепости, да и матросы не стали бы особенно сопротивляться.

Однако захват корабля ещё не решал дела. Для дальнего морского плавания нужно было много продовольствия, пороху и других запасов. Всего этого на «Петре», конечно, не было. Выходить же в

океан на пустом судёнышке было безрассудно: мы все погибли бы от голоду тут же, в северных водах.

Хрущёв подсчитал, сколько нам надо мяса, соли, муки и воды, чтобы добраться до экватора. Но подсчитать было легко, а заготовить трудно. Если бы ссыльные стали скупать оленей и рыбу в больших количествах, то слух об этом распространился бы по Большерецку, и нам несдобровать. Чтобы скрыть наши подлинные намерения, надо было придумать какой-нибудь законный предлог для заготовки продовольствия. И Беспойск придумал такой предлог.

Он подал Нилову бумагу, в которой просил разрешить ссыльным заготовку продовольствия, чтобы весной на самом юге Камчатки, на мысе Лопатка, можно было бы устроить земледельческую колонию. Беспойск доказывал в бумаге, что хлеб и овощи на Лопатке будут прекрасно родиться, так как тепла там достаточно. Нилову эта мысль понравилась — на Камчатке всегда был недостаток в хлебе и картофеле, — но дать разрешения на колонию он боялся. Говорил, что надо запросить охотского губернатора, и дело тянулось. Тогда Беспойск подал Нилову второй доклад, который просил отправить в Петербург. В докладе этом он писал, что можно с незначительными силами переправиться из Камчатки в Америку, выгнать оттуда испанцев и

подчинить Калифорнию российской короне. Для этого надо только иметь на Камчатке вдоволь продовольствия, то есть опять-таки обработать силами ссыльных южную часть Камчатки. Над докладом этим Беспойск смеялся, хотя и говорил, что его шутка может иметь успех в Петербурге: царица любит грандиозные замыслы и не жалеет на них средств.

Несмотря на оба эти доклада, Нилов разрешения на колонию не давал — боялся выпустить ссыльных из-под своего наблюдения. Но Беспойск не унывал: бывал у коменданта каждый день и все ему доказывал, что царица будет довольна, если на Камчатке разведут капусту и морковь. Кроме коменданта в Большерецке Беспойск познакомился со всеми купцами и их подбивал на устройство колонии. А между разговорами обыгрывал купцов в шахматы на большие деньги. Вообще без дела он оставаться не мог. Писал книгу о Камчатке и составлял словарь камчадальского языка, который посвятил Нилову. Выбрал время, чтобы съездить в сторону речки Банной, где из-под земли бьют кипящие ключи. Привёз оттуда целый штоф воды и говорил, что она помогает от всех болезней. Вечно он куда-нибудь торопился, но в то же время входил во все мелочи. Заставил меня звать мою собаку Неста Нестором и обещался рассказать как нибудь, кто такой был этот

Нестор. Несмотря на то, что Беспойск часто бывал в отсутствии, без него не принималось ни одного серьёзного решения. Замещал его обычно Хрущёв, но и Хрущёв без поляка на многое не решался.

Сам Хрущёв, сказывали, был в Петербурге горьким пьяницей и болтуном. За свой язык он и поплатился: на офицерской пирушке ругал императрицу сукой, а товарищи донесли. Хрущёва арестовали, пытали поркой, приговорили к смертной казни. Но Екатерина его помиловала и заменила казнь вечной ссылкой на Камчатку. Теперь Хрущёв, проживши в Большерецке восемь лет, стал другим человеком. Читал книги, которые ему присылали из Петербурга, и совсем бросил пить. Но весёлый нрав его сохранился, он любил пошутить и посмеяться. В доме у него было очень хорошо. По стенам висели оленьи шкуры с рогами, а на полках стояли книги и коряцкие идолы. Мне он очень нравился.

Под стать Хрущёву был Панов, новый ссыльный, приехавший с Беспойском. Он тоже в Петербурге шёл против царицы и за это попал в наши края. Смельчак он был отчаянный, но и человек жестокий. Всегда предлагал самые крайние меры. Настаивал, например, на том, чтобы мы перед побегом убили Нилова, а крепость ограбили. Говорил, что и продовольствия нечего заготавливать, если так сделаем.

Жил Панов вместе со Степановым, который попал на Камчатку по одному с ним делу. Степанов этот был отчаянный пьяница. Именно его мы встретили в пьяном виде в первый день приезда Беспойска в наш посёлок. Вечно он ходил в Большерецк за водкой, возвращался оттуда навеселе и заводил ссоры с офицерами. Был он очень шумлив и придиричив, широк в плечах и силён.

Ещё в заговоре принимали близкое участие: шведский офицер Винбланд, старик Турчанинов, у которого был отрезан кончик языка, лекарь Магнус Медер и Батулин.

Батулин тоже приехал вместе с Беспойском. Ему было около шестидесяти лет и ходил он с длинной седой бородой. Перед приездом на Камчатку он по приказу Елизаветы просидел в Шлиссельбургской крепости в одиночке двадцать лет и даже русскую речь позабыл, — с ним запрещено было разговаривать тюремщикам и солдатам. Случайно он узнал, что на престоле уже нет Елизаветы, а Екатерина. Подал прошение о помиловании, но вместо помилования Екатерина отправила его на Камчатку. Теперь он много говорил, даже не говорил, а кричал. При этом глаза его блестели.

Принимал ещё участие в заговоре тихий офицер Леонтьев. Но он, хоть и вошёл в заговор,

несколько раз неожиданно являлся к Хрущёву и умолял его бросить всё дело: боялся, что заговор откроется и нас всех казнят.

А заговор, действительно, легко мог открыться. Беспойск требовал, чтобы Сибяев и Кузнецов звали на Тапробану как можно больше охотников. Он говорил, что одним ссыльным трудно будет овладеть кораблём и погрузиться. Да и в случае раскрытия заговора надо было иметь силу для отпора. Поэтому в заговор вошло не меньше пятнадцати человек охотников. Все они с радостью согласились уехать с Камчатки и дали клятву молчания. Но проболтаться они могли и случайно. Однако мы с отцом больше боялись ссыльных офицеров, чем охотников, потому что на Камчатке был закон: если ссыльный донесёт начальству на товарищей, замышляющих побег, то получает за это свободу и награду. Охотники и так были свободны. А вот из офицеров кто-нибудь легко мог соблазниться — получить себе свободу через измену.

Всякий раз, когда у меня заходил об этом разговор с отцом, я вспоминал Ваньку. Мы с ним уже не дружили больше с того дня, не разговаривали в школе, когда глаза наши встречались, он отворачивался. Само по себе это меня не очень смущало. Мои мысли были заняты не Ванькой и даже не школой. Занятия наши шли

хорошо, купцы пожертвовали чернил и бумаги, и печка была сложена. Но, несмотря на всё это, школа перестала занимать меня. Я сидел на уроках с открытыми глазами, но видел не учителя, а тёплый океан и берега Тапробаны. Только о Городе Солнца я и думал теперь и ради нашего побега готов был идти на всё. Конечно, Ванька заметил во мне перемену, но не делал никаких стараний, чтобы поговорить со мной и помириться. Только один раз, незадолго до Нового года, он неожиданно подошёл ко мне после урока, огляделся и сказал тихо:

— Я рад, что с вами не спутался. В Большерецке купцы пронюхали, что вы убежать собираетесь. Обязательно Нилову донесут.

На один миг я опять увидел в Ваньке моего старого, верного друга. Не стал врать, а просто спросил:

— Откуда знаешь?

— Мне Казаринова сын по секрету говорил.

— Спасибо тебе, Ванька, за сообщение. Я тебе добром отплачу. Всё сделаю, чтобы на Тапробану ты попал.

Ванька как-то криво ухмыльнулся.

— Нет уж, поезжай лучше один. Мы и здесь проживём.

Разговаривать мне с ним было некогда. Я бросил бежать в посёлок. По дороге встретил Беспойска, который верхом на олене ехал к Нилову.

Рассказал ему неприятную весть.

На Беспойска сообщение не подействовало. Он спросил только:

— Кто говорит?

— Казаринов.

— Это он потому, что я его в шахматы вчера пять раз обыграл. Ничего не будет...

Ударил по оленю пятками и поехал дальше тихо — быстро ещё не выучился.

Я долго смотрел ему вслед.

Спокойствие Беспойска меня подбодрило. Однако на этот раз поляк ошибался.

9. Встреча Нового года

Тем временем декабрь пришёл к концу. Под новый, 1771 год решено было собраться в доме у Хрущёва и несколько охотников пригласить, чтобы поговорить обо всём обстоятельно. Для того чтобы не застал нас караул врасплох, Хрущёв придумал устроить собрание под видом новогодней пирушки. Отец и Панов сходили на охоту и принесли десятка два белых куропаток и лебедя. Беспойск привёл из Большерецка целого оленя, которого мы должны были зажарить. Заботу о водке взял на себя Степанов.

Мои обязанности были маленькие: сесть на порог и ощипать птицу. Беспойск, увидевши

куропаток, заявил, что их надо жарить на вертеле, и тут же объяснил, как это делать.

В это время из Большерецка пришёл приказчик купца Казаринова и принёс подарки учителям: Панову и Хрущёву по собольей шапке, а Беспойску два фунта чая и мешочек с сахаром. Поляк через приказчика поблагодарил купца, а потом, немного подумавши, решил один фунт чая и полмешочка сахару послать Нилову. Велел мне бросить куропаток и идти в Большерецк. Научил, как я должен поздравить Нилова и как передать подарок. Я стряхнул с себя перья и пошёл.

Через крепостные ворота я прошёл важно. Сказал часовому, что несу подарок начальнику. Потом вошёл в кухню Нилова и там увидел Ваську, его сына, и солдата. Васька ел кедровые орехи, которые для него грыз солдат. Я закричал Ваське:

— Поди отца позови! Нужен по важному делу.

Васька съел орех и сказал наставительно:

— Ты чего орёшь? Здесь не тундра. Невежа!

Меня это возмутило. Я ответил ему в тон:

— Сам ты невежа. Я «Юности честное зеркало» наизусть знаю. Дурак!

Васька плюнул в меня разжёванным орехом и вышел. А я стал посередине кухни, выставив вперёд узелок с чаем и сахаром.

Нилов вышел в собольих туфлях и с длинной

трубкой. На пальце у него было широкое золотое кольцо. Он грозно сдвинул брови и долго глядел на меня. Потом выпустил дым и закричал:

— Что такое случилось? Даже под праздник покоя нет.

Я низко поклонился, как велел мне Беспойск, и нежным голосом сказал:

— Ссылные поздравляют ваше благородие с Новым годом, желают вам доброго здоровья и просят принять сей скромный дар.

И протянул узелок.

Нилов сейчас же смилостивился. Улыбнулся.

— Какой такой скромный дар?

Взял узелок и начал разворачивать. Увидел чай с сахаром, смягчился окончательно. Прикинул сахар на руке. Спросил:

— Ты чей?

— Ссылного Степана Полозьева сын.

— Водку пьёшь?

— Никак нет.

— Ладно, ступай тогда. Передай Беспойску, чтобы завтра пораньше ко мне чай пить приходил.

Повернулся и зашлёпал своими мягкими туфелями.

Когда я пришёл в посёлок к дому Хрущёва, куропатки были уже ощипаны. И оленя отец успел заколоть. Мне осталось только подбрасывать дрова в печку да поворачивать птиц на вертеле.

Встреча Нового года удалась на славу. Мы наелись до отвала, я даже выпил стаканчик водки. Многие офицеры подпили, а Степанов напился до того, что улёгся на полу под столом и хватал всех за ноги. Беспойск ничего не пил. Зато съел один почти всего лебедя, а когда ужин кончился, постучал по столу и велел молчать.

Сейчас же все затихли, а он сказал громко:

— Друзья мой, я видел многие страны и прошёл всю Сибирь насквозь. И должен сказать вам, что нет на свете страны несчастнее Камчатки. Нас загнали сюда в расчёте, что все мы погибнем здесь. Но мы не погибнем. Камчатка — не край света. Земля — шар. Мы найдём отсюда дорогу к свободе...

Все закричали «ура», но Беспойск просил помолчать ещё.

— Друзья мои, — продолжал он. — Царица распорядилась, чтобы мы, ссыльные, здесь работали на неё добывали горностаевые меха для её мантии. Что ж, к пасхе мы пошлём её величеству такой подарочек, от которого ей не поздоровится. Налейте мне водки. За счастливое плавание в новом году!

Он залпом выпил целый стакан водки, а потом разбил стакан.

Тут вскочил Хрущёв. Должно быть, он вспомнил свои офицерские пирушки в Петербурге

и тоже захотел сказать речь. Стукнул по стакану, чтобы мы замолчали. Заговорил:

— Друзья, мы все — жертвы безумной тирании. Девятый год пойдёт завтра, как я влачу здесь своё жалкое существование. Сейчас в Петербурге Екатерина, мать отечества, тоже встречает Новый год. Она не услышит меня через Сибирь и Урал... Но всё-таки я приготовил ей пожелание. Я пью за то, чтобы царица-матушка скорее издохла...

Ссылные и охотники закричали «ура». Но вдруг поднялся бледный офицер Леонтьев.

— Господа, — сказал он слабым голосом, — хорошо ли, что мы произносим здесь такие речи? Нам вырвут языки и отрубят головы, если это дойдёт до Нилова. Давайте лучше напишем прошение в Петербург царице. Она добра и простит нас, если мы поклянёмся отблагодарить её на полях битвы, сражаясь за величие России...

— Нет, — закричал Панов, — просить надо не словами, а вот чем...

И он взмахнул кулаком.

Все присоединились к Панову, и Леонтьев сейчас же замолчал и сел.

В это время Магнус Медер вынул свои часы и сказал:

— Полночь.

Ссылные начали поздравлять друг друга. Все

верили в то, что новый год принесёт освобождение и счастье. Каждый старался сказать что-нибудь. Только отец ничего не говорил. Он не выпил ни одного глотка водки, слушал речи и время от времени брал топор и выходил на двор. Боялся, что нас кто-нибудь подслушает. Но всякий раз возвращался успокоенный и усаживался на своё место.

Когда все поздравили друг друга, из-под стола выскочил пьяный Степанов. Он схватил ружьё и предложил сейчас же идти в крепость к Нилову. Ему надоело лежать под столом, и он решил поразмяться. Едва уговорили его поставить ружьё и успокоиться. Он сумрачно уселся и начал ругать Беспойска за то, что тот трус.

Так прошла ночь в разговорах и речах. В шесть часов утра собрались расходиться, но Хрущёв не хотел никого отпускать. Предложил выпить чаю и поставил на огонь большой котёл с водой. Все согласились, и речи опять потекли. Когда Кузнецов заявил, что чай готов, никто на него внимания не обратил, слушая речи Винбланда, который ломаным русским языком говорил о том, что нам надо потихоньку заклепать в крепости пушки.

В это время свободный охотник Чурин-дранка (ему медведь когтями попортил лицо) страшно закричал, схватился за живот и грохнулся на пол.

На миг воцарилось молчание. Потом все бросились к Чурину. Медер вместе с Хрущёвым уложил его на лавку. Пока Медер осматривал охотника, такой же припадок случился с Кузнецовым. Он не закричал, а только весь позеленел и лёг на пол.

— Должно быть, это от сахара, — сказал он тихо. — Мы с Чуриным первые начали пить чай.

— Безусловно отравление! — закричал Медер. — Пусть никто больше не съедает сахара. И дафайте его мне.

Он долго осматривал сахар сквозь свои очки и даже попробовал кусочек кончиком языка. Все смотрели на него молча. Наконец он сказал:

— Мышьяк. Вкус горькофатый, запах чеснока.

— Казаринов сахар отравил! — закричал Беспойск. — Надо выяснить, в чём дело.

— Он нас всех хотел уморить! — кричал бледный Медер. — Дайте Чурину жиру и молока. И сейчас же надо донести капитан Нилоф...

— Нилов уже знает, — сказал Панов, усмехнувшись. — Мы послали ему половину сахара.

— Верно! — закричал Беспойск. — Его смерть нам не нужна! Надо его предупредить.

Он накинул на себя шубу и выскочил из комнаты.

Немного спустя Чурин умер. И меня послали

в Большерецк, вдогонку за Беспойском, чтобы сообщить ему эту печальную весть.

10. Измена

Всю версту до Большерецка я бежал, изредка останавливаясь, чтобы перевести дух. Но, должно быть, Беспойск тоже бежал. Нигде на всём пути даже издалека я не видал его.

У ворот крепости часовой загородил мне дорогу ружьём. И только здесь я увидел Беспойска, переходящего двор. Я перескочил через ружьё и крикнул часовому:

— Бегу к главному начальнику!.. Вот с ним...

Часовой не стал возражать, я перебежал двор и вскочил на комендантское крыльцо. В передней я увидел на миг спину Беспойска, который быстро распахнул дверь и вошёл в комнаты Нилова. Я вбежал за ним. На столе в первой горнице кипел самовар, Нилов сидел за столом и, видимо, собирался пить чай.

Всё остальное произошло в одно мгновение. Беспойск подбежал к столу и смахнул на пол чашку Нилова. Нилов вскочил и закричал:

— Чтоб ты...

Беспойск тут же вкратце рассказал ему всё происшествие. В сахаре — яд, сахар получен от Казаринова, он и отравил. Вот почему пришлось

разбить чашку.

Нилов слушал молча. Потом начал быстро креститься. Очевидно, угроза смерти его потрясла. Лицо его делалось всё более и более красным. Он повернулся, желая сделать что-то, и тут заметил меня.

— Тебе что здесь надо? — закричал он очень громко.

— Меня прислали сказать, что охотник Чурин умер от яда.

— Умер!.. — воскликнул Беспойск и поднял руки. — Умоляю вас, господин капитан, покарать отравителя. Ведь смерть из этой чашки подбиралась и к вам...

Нилов махнул нам рукой, и мы удалились в соседнюю комнату, спальню. Я хотел уже уходить, но Беспойск задержал меня. Да и двери из спальни не было, кроме той, в которую мы вошли.

Мы слышали, как Нилов вызвал солдат. Одному велел привести Казаринова, другому — убрать осколки посуды. Сам начал шагать по комнате, не заходя к нам.

Я оглядел спальню. Посередине её стояла огромная кровать с горой подушек. Рядом с кроватью столик, а на нём высокий подсвечник литой меди.

Немного погодя я увидел в окно, как по двору прошли солдат и Казаринов. Беспойск чуть-чуть

приоткрыл дверь и начал смотреть в щель. Я тоже подошёл.

Казаринов прямо с порога начал кланяться Нилову и поздравлять его с Новым годом. Я не узнал самодура-купца — до такой степени льстиво он поздравлял коменданта.

— Спасибо, спасибо, — ответил Нилов голосом притворно добродушным. — Я тебя чайку попить пригласил и о деле поговорить надо. Садись, гостем будешь...

Казаринов уселся и перевёл дух. Должно быть, приглашение через солдата его испугало. Но, видя добродушие коменданта, он успокоился.

— Чайку выпьешь? — спросил Нилов.

— Покорнейше благодарю.

Нилов сам налил ему чаю, поставил чашку перед ним, пододвинул сахар. Сказал грозно, тоном начальника:

— Пей внакладку.

И положил ему в чашку куска четыре. Казаринов тоненько засмеялся, принимая эти четыре куска за особую милость главного начальника.

— Пей!

Казаринов налил чай в блюдце и принялся дуть. Я дрожал от волнения у своей щели, представляя себе, как сейчас купец упадёт на пол, а потом умрёт.

— Хороший чаёк, — тем временем говорил Нилов, расхаживая по комнате. — И сахар хороший. Мне его вчера ссыльные в подарок прислали.

Казаринов поставил блюдце на стол. Глаза у него полезли на лоб. Рот открылся. В ужасе он глядел на Нилова.

— Что же не пьёшь? — вдруг заорал Нилов. — Пей!

Казаринов поднял блюдце, но сейчас же опустил его.

— Позвольте чая не пить, ваше благородие, господин благодетель! — сказал жалостливо.

— Пил, что ли?

— Так точно...

— Ну, от одной чашки с тобой ничего не сделается. Пей!

Казаринов медленно сполз со стула и стал на колени:

— Позвольте не пить. Век за вас буду бога молить...

— Да нешто на коленях о таком деле просят? — спросил Нилов. — Почему не можешь?

— Если от ссыльных этот сахар, то он того...

— Что — того?

— Отравлен немножко.

— Как — отравлен? Почему отравлен?

— Разрешите сказать, ваше благородие. Хотел

я отравить ссыльного Беспойска. Потому мышьяку в сахар и подбавил.

— Да как ты смел? Как ты смел? — закричал Нилов и начал бить купца ногами. — Самодурствовать вздумал, чёртова головушка! Да я тебя в подвале сгною!..

Купец униженно кланялся, подметал бородой пол, лепетал:

— Явите божескую милость, ваше благородие... Дозвольте говорить... Всё разьясню.

Нилов ткнул его носком в ухо и отошёл, тяжело дыша. Очевидно, он очень устал. Уселся в кресло, обтёрся платком, сказал ему спокойнее:

— Ну, говори, в чём дело.

— Не извольте сердиться, ваше благородие, что я Беспойска уморить решил...

— Как — не извольте сердиться? Ведь он ссыльный, на моём попечении. Учитель... Военнопленный...

— Ну точно, учитель и у меня в доме бывал. Только я записку, ваше благородие, под дверью нашёл...

— Какую записку? От кого?

— Не могу знать. Без подписи записка была. И было в ней сказано, что ссыльные собираются бунт устроить. Вас убить, нас всех перебить и на корабле уплыть в Индию. И всему этому коновод — поляк Беспойск. Вот почему я его на тот свет

спровадить решился.

— Покажи записку, — сказал Нилов отрывисто.

— Не могу-с. Я её уничтожил по прочтении, как велено было. Не хотел вас беспокоить, вот и взял на себя грех...

Казаринов замолчал и уже с хитринкой посмотрел на коменданта. Нилов стоял посередине комнаты, раздумывал. Беспойск тихо, на цыпочках, отошёл от двери. Пошарил рукой под подушкой комендантской постели, открыл столик. Должно быть, он искал оружие. Не нашёл ничего, вынул свечку из медного подсвечника и с подсвечником в руке подошёл к двери.

— Ты, Лёнька, коменданту под ноги бросайся, если войдёт, — шепнул он мне. — А я его вот этим...

И он показал мне подсвечник.

11. Неожиданный оборот

Нилов всё стоял посередине комнаты, как бы обдумывая, что делать. Потом вдруг, вместо того чтобы идти к нам, повернулся к Казаринову и заорал:

— Да что ты меня морочишь? Кабы он меня погубить хотел, так и погубил бы через такой сахар. А он прибежал сюда и чашку с твоей отравой из

моих рук выбил...

И, не желая, очевидно, продолжать издевательства над купцом, он сделал шаг к нашей двери.

Беспойск моментально поставил подсвечник на место и отошёл к окну. Я тоже подался назад. И когда Нилов открыл дверь, мы оба стояли как ни в чём не бывало.

— Идите сюда, Август Самойлович. Слышали? — сказал Нилов насмешливо.

— Слышал, — ответил Беспойск и добродушно засмеялся. — Целый роман придумал... Записка, бунт, Индия... Судите сами...

Но сейчас же он переменял тон. Повернулся к Казаринову:

— Вы должны доказать начальнику, что я виноват. Где ваши доказательства?

Казаринов даже оправдываться не стал. Раз Беспойск здесь, какие могли быть разговоры! Нилов сказал строго:

— Нечего с ним разговаривать... Лемзаков!

Явился сержант Лемзаков в полной форме по случаю Нового года.

— Увести этого в подвал, — распорядился Нилов. — Убийца он. Мы о нём бумагу составим. Судейкина сюда позвать.

Когда Лемзаков и Казаринов ушли, Нилов обнял Беспойска.